



Перевод

Эдуард Сероусов

Эдуард Сероусов

Перевод

<https://litres.ru/74138229>

SelfPub; 2026

Аннотация

Над Землёй возник световой контур — не корабль, а автоматический форпост, дверной звонок чужой цивилизации. Ада, инженер-архитектор планетарного переводчика, пятнадцать лет строила систему, читающую любую грамматику по достаточной выборке. В решающее утро её машина отправляет форпосту статистически безупречный ответ — и происходит что-то, чего никто, кроме одной пожилой лингвистки и глухой матери Ады, не может ни услышать, ни назвать. Тихая, до боли точная камерная катастрофа о том, как выбранные слова могут стереть мир — и почему единственным ответом иногда бывает не голос, а вовремя выдержанное молчание.

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Часть первая. Нагрузка | 4 |
| Часть вторая. Шум | 13 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 18 |

Эдуард Сероусов

Перевод

Часть первая. Нагрузка

Ладонь Ады лежала над клавишей «Отправить», и она думала о том, как в семь лет сплющила родную мать до трёх слов.

В кабинете с жёлтыми стенами чиновник спросил, почему мать не работает, и мать ответила — руками, лицом, всем разворотом плеч, длинно, с той особой сдержанностью, в которой у Веры жила гордость. А Ада перевела: «Она болеет». Три слова. Верных. Она отрезала паузу, с которой мать начинала любую трудную мысль. Отрезала взгляд, которым та проверяла, слушают ли. Отрезала то, как мать держала спину, — и осталась голая справка. Чиновник кивнул своим бумагам. На бумаге, а потом и в жизни, мать сделалась тем, что осталось после перевода: неспособной. Женщиной, которую болезнь освобождает от требований.

Ада не знала тогда слова «нагрузка». Не знала слова «несущая». Знала только металлический вкус во рту — привкус страха, когда взрослые смотрят на ребёнка и ждут, что он сделает мир понятным.

Тот же вкус был сейчас.

— Двенадцать минут до окна, — сказал кто-то у неё за спиной, и зал выдохнул счастливым, нетерпеливым гулом.

Она сняла ладонь с клавиши и заставила пальцы лечь на колено. Они всё равно продолжали — тихо, сами собой отбивали по ткани брюк ровный четырёхдольный ритм, старую привычку тела, которую она так и не смогла выключить. В детстве этим ритмом стучат по столу, по полу, по плечу, чтобы позвать того, кто не слышит. Ты стучишь, пока не почувствуют вибрацию. Тридцать лет прошло, а руки помнили: чтобы тебя заметили, надо создать дрожь.

Зал управления был длинный и синий. Три детали держали всё пространство: стена мониторов в торце, гул серверных стоек под полом, который она ощущала подошвами, и там, за прозрачной крышей, — оно.

Оно встало над Землёй девятнадцать дней назад. Не корабль. Ни двигателей, ни корпуса, ни окон, за которыми угадывалось бы чужое лицо, — этого мир ждал сто лет и не получил. Встал контур: геометрия света размером с небольшую луну, висящая на границе атмосферы и державшая себя там без видимой опоры. Первые сутки человечество боялось. Потом форпост начал испускать сигнал — ровный, повторяющийся, терпеливый, как гудок оставленной трубки, — и стало ясно, что это не разум смотрит на нас в упор, а машина ждёт отклика. Пограничный ретранслятор. Дверной звонок на пороге, о существовании которого никто не подозревал.

И тогда человечество перестало бояться и начало лико-

вать. Дверь. Надо ответить.

Ответ собирала Ада.

Точнее — система, которую она строила пятнадцать лет и в которую верила, как другие верят в бога или в родину: полностью, без остатка, до того основания, где вера уже неотличима от знания. Планетарный переводчик. Машина, читающая любую грамматику по достаточной выборке, восстанавливающая правила из статистики, переводящая что угодно во что угодно, если дать ей увидеть, как знаки сцепляются со знаками. Смысл вычислим. Это была не гипотеза Ады. Это была её догма, и весь её путь — от девочки, сплюсшившей мать, до женщины, чьё имя стояло первым в списке архитекторов, — был доказательством теоремы: если разложить язык на достаточно мелкие части, в остатке не будет ничего, что нельзя посчитать.

Девятнадцать дней система слушала форпост. И выучила его.

— Она красивая, — сказал Марек, опускаясь в кресло рядом. Он катал стилус по костяшкам пальцев, туда-сюда, металл поблёскивал. — Ты посмотри, какая чистая решётка отклика. Как будто он нам подыгрывает.

— Он не подыгрывает. Он повторяет одно и то же и ждёт, повторим ли мы, — сказала Ада. — Это не разговор. Это проверка: живое там или эхо.

— И мы докажем, что живое. — Марек улыбнулся ей своей быстрой, тёплой улыбкой, от которой у неё когда-то под-

гибались колени, а теперь только ныло где-то под рёбрами, в том месте, что не заживает, а просто зарастает поверху. — Дай ей ещё сутки данных, Ада. Ещё один цикл. Пусть выборка станет плотнее.

— Данные не проблема. — Она вывела на свой экран пакет ответа: аккуратный столбик символов, статистически вернейший из возможных, отзеркаленная грамматика форпоста, разложенная и пересобранная. — Проблема — канал. Мы кричим не в соседнюю комнату. Мы кричим на границу атмосферы, через помехи, через всё, что стоит между. — Она постучала ногтем по краю пакета. — Дальше всего добывает не самый мощный сигнал. Дальше всего добывает самый бедный. Чем меньше он несёт, тем меньше можно потерять по дороге. Мы не шлём роман. Мы шлём то, что переживёт расстояние.

Марек перестал катать стилус. На секунду в его лице проступило что-то из прежних лет — не спор инженера, а что-то личное, старое.

— Ты всегда так говоришь. «Меньше потерять». — Он помолчал. — Иногда я думаю, ты и людей так переводишь. Отрезаешь всё, что можно потерять, и остаётся справка.

Она не ответила. В её ушах на секунду встал жёлтый кабинет.

На большом экране пакет прошёл финальную валидацию. Зелёное. Символы верны на девяносто девять и семь. Ада смотрела на серые участки — то, что система пометила и от-

бросила: длительности пауз в сигнале форпоста, порядок, в котором он выкладывал элементы, странные задержки перед повторами. Шум канала. Она сама научила систему выбрасывать это в первую очередь, потому что пауза — не информация, пауза — это отсутствие информации, а отсутствие нельзя перевести. Курсор стоял на кнопке отправки уверенно, как всегда стоял её курсор.

— Двенадцать минут, — повторил голос. — Профессор Лейн просит слово.

Лейн вошла так, как ходят люди, которые давно перестали спешить: медленно, экономя каждое движение, будто у неё был лимит и она его берегла. Ей было под семьдесят. Полжизни она провела в полях, среди языков, которые умирали быстрее, чем их успевали записать, и один из них — Ада знала эту историю наизусть — отказался переводиться. Просто не поддался. У него была грамматика, где смысл жил не в словах, а в том, кто говорит первым и как долго молчит второй; и Лейн, тогда молодая и такая же уверенная, как теперь Ада, сломала на нём зубы и веру. С тех пор она проповедовала ересь.

— Я буду коротко, — сказала Лейн и, как всегда, выждала свой удар паузы, прежде чем продолжить. Пауза была её инструментом. Она ставила её, как хирург ставит зажим. — Вы собираетесь ответить. Я не прошу не отвечать. Я прошу

ответить правильно.

Координатор Досон стоял у экрана, скрестив руки. Молодой для своей должности, с лицом человека, который всё утро репетировал этот исторический день.

— Система профессора Ады прошла валидацию, — сказал он. — Символы верны.

— Символы, — повторила Лейн, и в том, как она это произнесла, было столько усталой нежности к слову и столько же презрения, что Ада поёжилась. — Вы построили идеальный словарь и забыли, что разговор — это два молчания по очереди. — Она обвела зал взглядом. — Смысл живёт не только в том, что сказано. Он живёт в том, кто уступает черёд. В том, как долго ты сдерживаешься, прежде чем ответить. В том, что ты не перебиваешь. Это не оформление реплики. Это и есть реплика. Мы называем это несущей — то, на чём едет намерение. И ваша машина, — она посмотрела прямо на Аду, без злобы, что было хуже злобы, — ваша машина выбрасывает несущую первой. Потому что для неё это шум.

— Пауза не переводится, профессор, — сказала Ада. Голос вышел ровнее, чем внутри. — Нельзя послать то, чего нет.

— Пауза — это не отсутствие. — Лейн подошла ближе, и Ада увидела, что руки у старухи чуть дрожат. — Пауза — это когда ты слушаешь. Ваш ответ слишком быстрый. Слишком плотный. Он не оставляет черёда. Вы отвечаете форпосту, перекрывая его собственный сигнал, будто вам не терпится.

— Она понизила голос. — А для любого протокола на свете несвязность и агрессия — это одно слово. Перебей чужого достаточно грубо, и он перестанет разбирать, что ты хотел сказать. Он услышит только, что ты идёшь на него.

В зале повисло что-то холодное. На секунду. А потом Досон рассмеялся — не зло, а снисходительно, тем смехом, которым отмахиваются от старческого чудачества в присутствии подчинённых.

— Профессор, при всём уважении. — Он развёл руками, приглашая зал в союзники. — Через двадцать лет школьники будут учить дату этого дня. Мы не станем встречать первый контакт лекцией о вежливости. Люди сто лет ждали, что кто-то постучит. Кто-то постучал. И мы не будем стоять на пороге, обсуждая, с какой ноги входить. — Он кивнул технику у пульта. — Спасибо, профессор. Микрофон.

Щелчок был тихий. Просто индикатор у трибуны погас — красным на чёрное. Лейн ещё стояла, ещё держала в горле следующее слово, и Ада видела, как это слово в ней умирает: не потому, что его нечем сказать, а потому, что зал уже отвернулся. Аплодисменты накрыли тишину, как вода накрывает камень.

И Ада — которая одна в этом зале знала, что такое, когда тебя выключают на середине мысли, потому что кто-то решил, что ты обуза момента, — Ада не сказала ничего. Она смотрела на серые отброшенные участки на своём экране, на паузы форпоста, помеченные как шум, и молчала. Соучастие

имеет вкус. Металлический.

Восемь минут.

Она осталась в зале, когда все ушли отсчитывать последние минуты к большим экранам. Взяла телефон. Разблокировала. В списке контактов, почти в самом верху, стояло одно имя, которому она не звонила — не могла позвонить, потому что звонить было бессмысленно: мать не услышит.

Существовал другой способ. Видеосвязь, руки, лицо. Способ, на котором Ада выросла и от которого ушла в четырнадцать так, как уходят от стыдной части себя, — тихо, необратимо, убедив себя, что уходишь к будущему, а не от матери.

Она открыла галерею. Пролистала до старого, случайно сохранённого видео. Вера на кухне, лет десять назад, что-то рассказывает — руками, лицом, всем телом. Звуча нет: там нечего слушать. Ада смотрела на движение маминых рук и ловила себя на том, что не понимает. Не до конца. Слова — да, отдельные слова она ещё разбирала. Но ритм, но то, как мать держала паузу перед смешным, как наклоняла голову, проверяя, идёт ли за ней собеседник, — это она разучилась читать. Выбросила как шум. Освободила память под символы.

«Ты слушаешь машину лучше, чем слушала меня», — сказала бы мать. Ада почти слышала это её беззвучное.

Палец завис над «позвонить». Тело помнило ритм; тело хотело постучать по стеклу, создать дрожь, позвать.

Она погасила экран.

Завтра. После контакта. Когда дверь будет открыта и весь мир станет понятнее — тогда она придет и как-нибудь скажет то, для чего никогда не было слов. Завтра.

Из зала донёсся нарастающий счёт. Люди хором отсчитывали к окну передачи, и голоса сливались в один — тёплый, огромный, уверенный голос вида, который наконец-то нашёл, кому ответить, и ни секунды не сомневался, что ответит как надо.

Ада встала. Вкус металла не уходил.

Часть вторая. Шум

Окно открылось в 6:14 утра.

Ада стояла у своего пульта и смотрела, как курсор — её курсор, всегда такой уверенный, — доходит до кнопки и нажимает. Не она нажала. Протокол нажал, в рассчитанную секунду, автоматически; так было безопаснее, чем доверять человеческой руке. Но она поймала себя на том, что в момент отправки её пальцы дёрнулись отбить ритм — и замерли на полудвижении.

Пакет ушёл. Столбик символов, вернейший из возможных, отзеркаленная грамматика форпоста, чистая от шума. Он поднялся сквозь атмосферу узким плотным лучом, и где-то на границе, там, где висел световой контур, его должны были услышать.

Зал не дышал.

Двенадцать секунд.

А потом форпост ответил, и зал взорвался.

Контур дрогнул. По его геометрии прошла волна — свет перестроился, побежал новыми линиями, ответил. Люди кричали, обнимались, кто-то плакал в голос; Досон вскинул руки, как тренер над выигранным матчем. Оно услышало. Оно откликнулось. Контакт.

Ада не кричала. Ада смотрела на решётку отклика на своём экране — на то, как форпост перестраивал свой сигнал,

— и внутри у неё медленно оседало что-то холодное.

Тайминг был неправильный.

Она не смогла бы объяснить это Досону словами, которые он захотел бы слушать, но она читала это, как читают лицо: отклик форпоста шёл слишком быстро. Он не оставлял черёда. Когда двое говорят по очереди, между репликами есть зазор — короткое общее молчание, в котором один уступает, а другой принимает. В прежнем, девятнадцатидневном сигнале форпоста этот зазор был. Терпеливый гудок, пауза, гудок. А теперь пауза схлопывалась. Форпост отвечал всё плотнее, всё быстрее, накладывая свой сигнал на то место, где по правилу черёда должна была стоять тишина.

Он не подхватывал разговор. Он сжимался. Так сжимается не собеседник, а рукопожатие, которое не сошлось: система, получившая искажённый handshake, гонит запросы всё чаще, пытаясь либо добиться правильного ответа, либо закрыть соединение.

— Марек. — Она сказала это тихо, но он услышал и наклонился. — Посмотри на зазор.

— Какой зазор? — Он сиял. — Ада, она отвечает. Пятнадцать лет. Она отвечает.

— Зазор между его репликами. Он схлопывается. — Она вывела график: интервалы отклика, каждый короче предыдущего. Нисходящая лесенка. — Мы говорим слишком быстро для него. Мы перебиваем. Он это... — она искала слово и не находила безопасного, — он это как-то читает.

Марек посмотрел на график. Улыбка не ушла с его лица, но замедлилась.

— Это может быть что угодно. Разгон. Настройка канала. — Он катнул стилус по костяшкам, туда и обратно. — Ты ищешь дыру в самом счастливом дне человечества.

— Я ищу, куда мы наступили, — сказала Ада.

К полудню зал перестал праздновать.

Отклик форпоста не выровнялся. Он продолжал сжиматься, а потом сделал то, чего в его прежнем поведении не было ни разу за девятнадцать дней: перестал повторять. Терпеливый гудок исчез. Вместо ровной, зовущей геометрии контур начал строить новую — угловатую, слоистую, наползающую сама на себя, как будто где-то там, на границе, машина захлопывала одну программу и открывала другую.

Пришла запись — короткое сообщение, переброшенное с резервного узла на краю сети. Лейн. Её отстранили от зала после утреннего микрофона, и теперь она писала оттуда, где её посадили. Текст был в три строки.

«Он не отвечает вам. Он вас закрывает. Вы перебили, и он классифицировал перебой. Остановите любые дальнейшие передачи и уступите черёд — полное молчание, минимум сутки. Не шлите ничего. Особенно — ничего громкого».

Досон прочитал вслух, стоя перед своими экранами, и в зале засмеялись — но уже не так, как утром. Смех был ко-

роткий, нервный, из тех, которым люди защищаются от мысли, что стоят не там.

— Профессор Лейн видит войну в перестройке решётки, — сказал он, но голос у него подсел. — Мы не станем паниковать из-за задержек в первый день контакта. Это... — он поискал, — это адаптация. Обе стороны настраиваются.

— Тогда почему он перестал звать? — спросила Ада.

Досон не ответил ей. Он смотрел вверх, сквозь прозрачную крышу, туда, где среди дневного неба угловатая геометрия света складывалась во что-то, у чего был явный порядок и явное направление. Оно росло. Медленно, беззвучно, аккуратно — как заполняется индикатор загрузки. И теперь это видел уже не только её экран. Это видели глазами, задирая головы: над городом, среди бела дня, что-то собиралось.

Ада поняла — не мыслью, а тем местом под рёбрами, что не заживает, — что смотрит на обратный отсчёт. Не на цифры. На сборку. Форпост достраивал что-то стадия за стадией, и каждая стадия съедала кусок неба, и когда небо кончится, кончится время.

Она перевела взгляд на серые отброшенные участки в утреннем пакете. На паузы, которые она пометила как шум и вырезала своей рукой. «Несвязность и агрессия для любого протокола — одно слово». Она сама научила машину быть громкой, плотной, быстрой. Она сама отрезала черёд. Они постучали в дверь — и вместо стука вышибли её с ноги, слишком сильно, слишком быстро, перекрыв чужой го-

лос своим; и то, что стояло за дверью, услышало не «здравствуйте», а замах.

Её код был спусковым крючком. Она ещё не позволяла себе это слово целиком. Но оно уже стояло в горле, как утром стояло невысказанное слово у Лейн.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.